

БИОГРАФИЯ
ВЕЛИКОГО
ЧЕЛОВЕКА

Хуан Мартин Гевара

Армель Венсан

Мой бран-
че

¡Hasta siempre, Comandante!

Москва
2016

УДК 929(82)Че Гевара, Эрнесто
ББК 63.3(7Apr)-8
Г27

Juan Martin Guevara
Armelle Vincent
MON FRÈRE, LE CHE
Copyright © Calmann-Lévy, 2016

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Фотография на обложке:
© adoc-photos / Corbis via Getty Images / Gettyimages.ru

Перевод с французского *С. Нечаева*

Художественное оформление *А. Саукова*

Гевара, Хуан Мартин.

Г27 Мой брат — Че / Хуан Мартин Гевара, Армель Венсан ; [пер. с исп. С. Нечаева]. — Москва : Эксмо, 2016. — 352 с. — (Биография великого человека).

ISBN 978-5-699-92203-1

«Мой брат — Че» — сенсационные воспоминания о легендарном команданте Эрнесто Че Геваре от одного из самых близких ему людей. После трагической гибели самого знаменитого партизана в мире семья Гевара 50 лет отказывалась публично говорить о нем. И лишь сейчас младший брат Че Хуан Мартин Гевара прервал молчание!

На его глазах юный романтик Эрнесто превращался в одного из лидеров Кубинской революции — Че Гевару. Бок о бок со своим прославленным старшим братом Хуан Мартин провел первые месяцы жизни послереволюционной Кубы... А затем был на годы брошен в тюрьму аргентинской военной хунтой за то, что, как и Че, боролся с диктатурой.

Книга Гевары-младшего заново открывает ту сторону личности Эрнесто Че Гевары, что растворилась в тени его революционных подвигов. Трогательные и нежные отношения Че с матерью на фоне постоянных конфликтов с отцом-самодуром, романтические моменты в жизни команданте, история Че-отца и его детей... Эта книга — редкий шанс проникнуть сквозь героический ореол к самой человеческой сути величайшего революционера XX века.

УДК 929(82)Че Гевара, Эрнесто
ББК 63.3(7Apr)-8

© Сергей Нечаев, пер. на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-92203-1

УЩЕЛЬЕ КЕБРАДА-ДЕЛЬ-ЮРО

Я сорок семь лет ждал возможности оказаться на месте смерти моего брата Эрнесто Гевары. Все знают, что он был убит трусливым выстрелом, совершенным 9 октября 1967 года в жалкой классной комнате деревенской школы Ла-Игеры, деревушки, затерянной в южной части Боливии. Он был захвачен накануне, в глубине ущелья Кебрада-дель-Юро, где окопался после того, как понял, что малочисленный отряд партизан, ослабленных голодом и жаждой, полностью окружен правительственными войсками. Говорят, что он погиб с достоинством и что его последние слова звучали так: «*Róngase sereno y arunte bien. Va a matar a un hombre*» (Успокойтесь и цельтесь лучше. Вы сейчас убьете человека). Марио Теран Салазар, несчастный солдат, которому была поручена эта грязная работа, дрожал. Че, конечно же, вот уже одиннадцать месяцев считался врагом номер один для боливийской армии, а возможно — даже для всего американского континента, но это был легендарный про-

тивник, мифический персонаж, окруженный ореолом славы, известный своим чувством справедливости и страстью к равенству, а также выдающейся храбростью. А что, если Че, смотревший на него не мигая и совсем не делая вид, что осуждает его, действительно друг и защитник униженных, а вовсе не тот чертов революционер, каким его изображает начальство? А что, если его последователи, про которых говорили, что они очень преданы ему, решат прийти и отомстить за его смерть?

Марио Терану Салазару захотелось выпить, чтобы найти в себе мужество нажать на спусковой крючок. Увидев Че, сидящего и спокойно ждущего свершения того, что казалось неизбежным, он выбежал из классной комнаты весь покрытый потом. Но начальники заставили его вернуться.

Мой брат принял смерть стоя. Они хотели, чтобы это произошло сидя, чтобы унижить его. Он отказался и выиграл эту свою последнюю битву. Помимо прочих его многочисленных качеств и талантов, он владел искусством убеждения.

* * *

Я купил пару новых кроссовок, чтобы спуститься в ущелье Кебрада-дель-Юро. Это глубокое ущелье отвесно уходит вниз сразу за Ла-Игерой. Находиться здесь для меня очень трудно, очень болезненно. Болезненно, но необходимо. Идею этого паломничества я носил в себе в течение многих лет. Было практически невозможно прибыть сюда раньше. Сначала я был слишком молод,

не совсем подготовлен психологически. Затем в Аргентине установился фашистский режим, начались репрессии, и я томился в течение почти девяти лет в застенках военной хунты, пришедшей к власти в результате переворота в марте 1976 года. Мне пришлось залечь на дно: в политическом климате моей страны быть связанным с Че Геварой стало очень опасно.

Только мой брат Роберто приехал в это место в октябре 1967 года — это семья отправила его из Буэнос-Айреса, чтобы он попытался опознать тело Эрнесто после объявления о его смерти. Он вернулся глубоко потрясенным и смущенным: при его появлении в Боливии останки нашего брата исчезли. Боливийские военные возили Роберто на лодке, отправляли его из одного города в другой и каждый раз рассказывали какую-то новую историю.

У моего отца и моих сестер Селии и Анны-Марии никогда не нашлось бы сил для такого путешествия. Рак унес жизнь моей матери двумя годами ранее. Если бы она уже не покоилась в могиле, убийство Эрнесто точно отправило бы ее туда. Она его обожала.

Я приехал в Буэнос-Айрес на машине с друзьями, проделав путь в 2600 километров. В 1967 году мы не знали, где находился Эрнесто. Он покинул Кубу в величайшей тайне. Лишь немногие люди, в том числе и Фидель Кастро, были в курсе, что он борется за освобождение боливийского народа. Моя семья терялась в догадках, представляя, что он где-то в другой части света, возможно, в Африке. На самом же деле он был всего в тридцати

часах езды от Буэнос-Айреса, в котором мы жили. Лишь много лет спустя мы узнали, что он сначала оказался в Бельгийском Конго* с дюжиной черных кубинцев, чтобы поддержать повстанцев Симба.

На гребне оврага ко мне подошел проводник. Он не знал, кто я такой, а я не хотел раскрывать себя. Он назвал мне сумму, которую нужно заплатить, чтобы он отвел меня к месту захвата Че, а это первый признак того, что смерть моего брата превратилась в коммерцию. Я был возмущен. Че представлял собой прямую противоположность любой грязной выгоде. Я рассердился, а друг, сопровождавший меня, не смог удержаться от того, чтобы не сказать, кто я. И как этот тип только посмел требовать деньги с брата Че, когда тот в первый раз приехал на место его гибели? Проводник отпрянул с благоговением и уставился на меня. Можно было подумать, будто перед ним возникло видение. Он рассыпался в извинениях, которые я даже не стал слушать. Я привык. Быть братом Че — вещь нетривиальная. Когда люди это узнавали, они удивлялись. Христос ведь не мог иметь братьев и сестер. А Че был немного Христом. В Ла-Игере и в Валлегранде, куда его тело было перевезено 9 октября, чтобы быть выставленным на всеобщее обозрение, прежде чем окончательно исчезнуть, он стал Святым Эрнесто Ла-Игерским. Жители молились перед его изображением. Я вообще-то всегда уважал религиозные

* В 1998 году, когда была опубликована его книга «Журнал Конго: воспоминания о войне за независимость».

убеждения, но это меня страшно беспокоило. В семье, начиная с моей бабушки по отцовской линии Анны Линч-Ортис, мы не верили в Бога. Моя мать никогда не водила нас в церковь. Эрнесто был просто человеком. И надо было спустить его с этого пьедестала, вернуть жизнь в эту бронзовую статую, чтобы увековечить его идеи. Че точно возненавидел бы подобный статус идола.

* * *

Я начал спуск в сторону рокового места с тяжелым сердцем. Меня удивила растительная скудость оврага. Я ожидал найти там густую зелень. На самом деле, за исключением некоторых сухих и густых кустарников, природа здесь была почти пустынной. Зато я лучше мог понять, как Эрнесто в конечном итоге оказался в ловушке, словно какая-то крыса. Тут было практически невозможно скрыться от солдат, которые окружили Кебраду накануне.

Я прибыл к месту, где он был ранен одним выстрелом в левое бедро, а другим — в правое предплечье. Я был потрясен. Перед жалким деревцем, на которое он опирался 8 октября, в сухой земле находилась звезда, отлитая из бетона. Она отмечала точное место, где он сидел, когда его обнаружили. Глубокая тревога охватила меня. Меня начали одолевать сомнения. Я чувствовал его присутствие. Мне было жаль его. И я спрашивал себя, что он тут делал, совсем один. Почему меня не оказалось рядом? Я, конечно же, должен был быть с ним. Я всегда был таким же воинственным. Он был для меня не только

братом, но и товарищем по борьбе, образцом для подражания. Мне едва исполнилось двадцать три года, но это не могло служить оправданием: в Сьерра-Маэстре на Кубе, в горах, где началась вооруженная борьба, в ходе которой Фидель Кастро назвал его «Команданте», и где он отличился, встречались бойцы, которым было всего пятнадцать! Я не знал, что он находился в Боливии, но я должен был это знать! Я должен был остаться на Кубе с ним в феврале 1959 года, несмотря на запрет отца.

Я присел или, точнее, рухнул на то место, где он сидел. Я снова увидел его прекрасное лицо, его гипнотический и любознательный взгляд, его озорную улыбку. Я слышал его заразительный смех, его голос, его необычную речевую особенность: за годы, проведенные в Мексике, а затем на Кубе, его испанский стал необычной смесью трех акцентов. Чувствовал ли он себя одиноким, побежденным?

Некоторые из вопросов, которые я задавал себе, были весьма конкретными. Другие же — чисто сентиментальными. Че не был одинок, его поддерживали шесть бойцов, которых схватили вместе с ним. Мог ли я помочь ему бежать? В тот же день пять других товарищей, в том числе и Гидо «Инти» Передо, все-таки умудрились выбраться из засады*. Почему не он? Я попытался восстановить последовательность событий, приведших моего брата к смерти. Че предали? Если да, то кто? Имеется

* Им потребовалось больше месяца, чтобы пробраться сквозь сети боливийской армии и добраться до города незамеченными. Гидо «Инти» Передо будет пойман и убит в 1969 году.

несколько гипотез, но так как это всего лишь предположения, я предпочитаю на них не останавливаться. Эрнесто воевал под именем Рамон Бенитес. Говорят, что он выбрал имя Рамон в честь героя одного из рассказов Хулио Кортасара, повествовавшего о приключениях группы революционеров в горах Сьерра-Маэстра. Его присутствие было окутано тайной. Работая на базе информации, предоставленной ЦРУ, нагло расположившегося в президентском дворце Рене Барриентоса в Ла-Пасе, боливийское правительство предполагало, что Эрнесто Гевара командует отрядом в районе Ньянкауасу, но оно не имело тому доказательств. До того момента, когда аргентинец Чиро Бустос, арестованный после того, как он получил разрешение Че отойти от повстанческой борьбы, помог составить его фоторобот — под угрозой, что проведет остаток своих дней в тюрьме.

* * *

Подойдя к оврагу, я почувствовал себя опустошенным, совершенно уничтоженным. Неприятный сюрприз ждал меня в Ла-Игере. Как только я вошел в селение, чтобы найти школу, где был убит Эрнесто, одна женщина отделилась от группы японских туристов и бросилась на меня. Она только что узнала от своей подруги-журналистки о том, что я — брат Че. Она плакала, бормоча: «Брат Че, брат Че». Она очень вежливо попросила меня позировать для фото рядом с ней. Мне оставалось лишь слушать и утешать ее. Эта японка, по-видимому, посчитала меня реинкарнацией Че. Я был одновремен-

но взволнован и встревожен. Почти через пятьдесят лет после смерти мой брат больше, чем когда-либо, присутствовал в коллективной памяти. Я, конечно, не Эрнесто, но я мог, и я должен был стать каналом для распространения его мыслей и идеалов. Пятеро детей мало его знали. Моя сестра Селия и брат Роберто категорически отказывались говорить на эту тему. Моя сестра Анна-Мария умерла от рака, как и наша мать. Мне же было уже 72 года. И я не имел права терять время.

Школа, где Эрнесто провел свою последнюю ночь, претерпела кое-какие изменения. Стена, разделявшая две классные комнаты, была разрушена. Остальные стены покрывали рисунки и плакаты, изображающие последние часы Че. Стул, на котором он сидел, когда Марио Теран Салазар пришел убивать его, все еще находился на своем месте. Я представил себе, как мой брат сидит на нем, ожидая смерти. Это было очень трудно.

На деревенской площади высился большой белый бюст, созданный кубинским художником по знаменитой фотографии Альберто Корда «Героический партизан». Этот бюст, за которым был виден белый крест, также имел весьма бурную историю. Его установили в начале 1987 года, но вскоре его быстро демонтировали командос боливийской армии, а потом заменили мемориальной доской в память о жертвах партизанской войны. Бюст же восстановили на своем месте через двадцать лет, плюс была поставлена скульптура высотой в четыре метра, которая находилась теперь у входа

в деревню. На протяжении многих лет жители Ла-Игера и Валлегранде жили в страхе. Никто не осмеливался заговорить о Че: чтобы уничтожить все следы этого «подрывного элемента»*, боливийский режим запретил любое упоминание его имени. Ответом на навязанное молчание стали легенды. Когда его схватили, крестьяне общины Аймара, населявшие округу, не имели никакой информации о важности этого пленника. Они никогда не видели чужих людей и едва говорили на испанском языке. После смерти Че орды журналистов налетели на их деревню. До 9 октября 1967 года никто никогда не слышал о Ла-Игере. А уже десятого числа тридцать шесть самолетов выстроились на импровизированной взлетно-посадочной полосе в Валлегранде, в шестидесяти километрах. И местные жители начали понимать, что произошло какое-то значительное событие и что их пленник был не просто пленником.

* * *

Тело Эрнесто эвакуировали в Валлегранде на носилках, установленных на шасси вертолета. Боливийские военные выставили его в назидание другим в прачечной, в саду маленькой местной больницы, на семнадцать часов. Надо было показать, что все «подрывные элементы» будут уничтожены точно так же, как и этот Эрнесто Че Гевара. Че мертв, мертв и еще раз мертв!

* С началом репрессий в Аргентине понятие «подрывной элемент» (исп. «subversivo») вошло в постоянный обиход, и мы будем использовать его в этом смысле.

И пусть его жалкий конец послужит уроком для всего народа. Пусть он не ввязывается в плачевные авантюры, неизбежно обреченные на провал.

Его полуголое тело поместили на цементную стяжку. Он был бос и лежал с открытыми глазами. Говорят, что священник все же закрыл ему их в Ла-Игере... Некоторые сравнивали образ моего замученного брата с холстом «Оплакивание Христа» итальянского художника эпохи Возрождения Андреа Мантенья. Сходство было очень волнующим, но ничего не давало. Некоторые свидетели утверждали, что глаза Че следили за ними, когда они находились около его тела. Врач — тайный поклонник, — отвечавший за омовение тела, захотел его забальзамировать, но из-за нехватки времени он лишь изъясил его сердце, чтобы сохранить его в банке. Он же снял две маски с его лица: первую — из воска, а вторую — из гипса. Медсестра была удивлена вполне мирным выражением лица Эрнесто, что странным образом контрастировало с другими убитыми партизанами, лица которых были отмечены следами страданий и мучений. Я не верю в эту чепуху. Все это имело лишь одну цель: сделать из Че миф. Кстати, именно с этим мифом я и намерен бороться и постараюсь вернуть моему брату человеческое лицо.

После 9 октября пятнадцать солдат оставались в Ла-Игере в течение года. Они объясняли крестьянам, что они якобы нужны, чтобы защитить людей от пособников Че, которые неизбежно придут отомстить за его

смерть и пожелают всех убить. Ведь это именно они, эти крестьяне, не правда ли, предали Че.

Так родился настоящий культ, сопровождаемый перешептываниями и страхом.

* * *

Постыдная торговля, которая развивалась вокруг имени Че, ужаснула меня. Эрнесто бы опроверг все эти нелепые легенды, граничащие с мистикой. В Ла-Игере и Валлегранде на Че был заточен целый туристический бизнес. Проводились экскурсии вокруг «дороги Че», в ходе которых экскурсантам пытались продать бог знает что. Это так отвратительно. На выходе из школы я увидел целый развал всевозможных предметов, футболок и флагов. Я посчитал это невероятной низостью. Эрнесто боролся за освобождение американского континента, и появились типы, эксплуатировавшие его имидж, чтобы заработать деньги. Люди молились святому Че, приписывали ему чудеса, связанные с их коровами или не знаю еще с чем! Че же хотел давать, а не брать. Он верил в человека — хозяина своей судьбы, а не в зависимого от какой-то высшей силы, которая могла даровать что-то, а могла и не делать этого. Он верил в борьбу. Это был великий гуманист.

Я два раза побывал в Ла-Игере, и я, конечно же, никогда не вернусь туда больше. Это уже не жалкая деревушка из четырех домов, а целый магазин под открытым небом, где из тебя безостановочно пытаются вытянуть деньги. Все это не имеет ничего общего с моим братом, абсолютно ничего.